

Ф. Кичатов

О двух письмах Н. А. Раевского

И все же грустно отчего-то...
Да оттого, что без причин
Мы в те же ломимся ворота,
где нас не ждут
А мы стучим...

Юрий Ключников.

В начале 1980-х годов, работая над историей инженерных войск, я все чаще стал встречаться в исторических документах с упоминаниями инженерных офицеров, так или иначе связанных с именем А. С. Пушкина. Это заинтересовало меня и, в конце концов, сосредоточило мое внимание на новом для меня направлении — «Пушкин и военные инженеры». Работа в этом направлении сулила много интересного. Невольно стал изучать творчество Пушкина, отыскивая в нем все то, что хоть как-то касалось этой темы. Внимание привлекла повесть «Пиковая дама». Вопрос, почему Пушкин сделал героя своей повести военным инженером, меня заинтересовал всерьез. Ведь кроме этой повести, не считая нескольких произведений, где в качестве героя фигурирует Абрам Петрович Ганнибал, мы ни в одном из произведений Пушкина не встречаем военных инженеров. Да и Ганнибал-то везде преподнесен прежде всего как сподвижник Петра и предок самого поэта. О его инженерстве — ни слова. Появились первые вопросы, догадки, версии, сопоставления.

Не искушенный в пушкиноведении, я, набросав кроки первой в моей жизни статьи, решил, чтобы не сесть в лужу, сначала посоветоваться с известными пушкиноведами. Посылаю для начала свои соображения Семёну Степановичу Гейченко. Получаю в ответ:

«Уважаемый Феликс Зиновьевич!

Я получил Ваше письмо! Сердечно благодарю за рассказ о военных инженерах в пушкинское время.

Советую Вам обратиться за помощью в изучении Вашей темы о связи Александра Сергеевича Пушкина с военными инженерами в Пушкинский дом (Институт русской литературы) Академии наук СССР. В Пушкинском Доме нахо-

дится архив и библиотека Пушкина и всякие материалы (исследования, газеты, журналы и пр.) на пушкинские темы. Кроме того, этот Дом... центр пушкиноведения!!! С уважением С. Гейченко»¹.

В Пушкинский дом я обращаться не спешил и продолжал упорно работать над этой темой, находя в ней все новые и новые для себя проблемы. Представить свой незрелый опус на суд зубрам пушкиноведения — это уж слишком. Стал искать более снисходительных судей, продолжая работу над темой. В результате стала вырисовываться новая статья, в которой исследовался «фантастический элемент» повести «Пиковая дама», остававшийся до того времени «нерасшифрованным». Мое внимание привлекли только что появившиеся в продаже книги «Когда заговорят портреты» и «Портреты заговорили» известного мне по публикациям в «Огоньке» писателя-пушкиниста Николая Алексеевича Раевского. Тогда-то я и рискнул обратиться к нему с рядом вопросов, касающихся волнующей меня темы. Письмо написал на адрес алма-атинского издательства «Жазуши». Через некоторое время получаю ответ:

«2 октября 1984 г.

Глубокоуважаемый Феликс Зиновьевич!

Благодарю Вас за Ваше содержательное письмо, заинтересовавшее меня. Прошу извинить за столь поздний ответ, но я некоторое время находился вне Алма-Аты и только сейчас в нее вернулся.

Извините меня за мое невежество, мне почему-то казалось, что Николаевское инженерное училище, с которым связано столько знаменитых имен, помещалось в здании Инженерного замка, в Ленинграде. С этим замком, вернее с его церковью, у меня связано одно дорогое семейное воспоминание. В 1893 году там происходило венчание моих покойных отца и матери.

Меня, как писателя-пушкиниста, очень заинтересовало впервые Вами высказанное предположение о том, что мысль сделать Германна военным инженером могла придти в голову Пушкина в связи с его весьма крупными проигрышами во время кампании 1829 года, в которой весьма деятельное участие принимал и приятель Пушкина, военный инженер Пуцин. Трудно судить о том, насколько точны сведения о размерах проигрышей Пушкина на обратном пути из Эрзерума в Россию, но нет сомнения в том, что они были весьма значительны и сильно ухудшили и без того запутанные денежные дела поэта. Тут лишний раз сказался страстный увлекающийся темперамент Пушкина, хотя, казалось бы, ему надо было ни на минуту не забывать о предстоящей вскоре женитьбе. При случае я сообщу своим друзьям пушкинистам высказанное Вами предположение и сообщу Вам их мнение. Лично я считаю Ваше предположение весьма вероятным. Если Вы пожелаете в дальнейшем задать мне какие-либо другие конкретные вопросы, касающиеся Пушкина, я охотно постараюсь на них ответить.

Искренне Вас уважающий Н. Раевский»².

Это письмо стало неожиданным для меня (у многих известных людей принято не отвечать на письма назойливых корреспондентов) и в то же время возбудило еще больше вопросов, но уже касающихся не только творчества Пушкина, но и биографии писателя. Прежде всего, меня заинтересовало, каким образом родители писателя были связаны с Инженерным замком, в котором в ту пору находилось Николаевское инженерное училище. К ним добавились и другие вопросы о «Пиковой даме». Воспользовавшись столь любезным предложением Николая Алексеевича, я отправил следующее письмо, приложив к нему монографию «Старейшее инженерное» об истории бывшего Главного инженерного училища, к написанию и изданию которой приложил немало усилий. Уже в декабре получаю ответ:

«Алма-Ата, двадцать четвертое декабря 1984 г.

Глубокоуважаемый Феликс Зиновьевич. Сердечно поздравляю Вас с наступающим New Year, новым 1985 годом и желаю всего наилучшего Вам и Вашим близким.

Как офицер старой армии и как советский гражданин илю также поздравление «Старейшему инженерному», которое будет продолжат в этом году второй век своего славного существования.

Прошу меня извинить за очень запоздалый ответ на Ваше интересное письмо. Мне было нужно спешно выехать в Ташкент, но Вашего адреса с собой не захватил. Теперь я диктую это письмо одному из моих друзей, так как сам я, к сожалению, уже восемь лет не могу ни читать, ни писать. Спешу Вас поблагодарить за Вашу интересную книгу, с которой мне в ближайшее время помогут ознакомиться мои друзья.

По существу в отношении высказанных Вами предположений, касающихся «Пиковой дамы», я позволю себе сказать следующее. Этим трудом Пушкина я специально не занимался. Таким образом, мои мысли на этот счет вряд ли представляют какую-либо ценность. И, изложив их, я предложу Вам обратиться к людям, гораздо более компетентным в этом отношении.

Итак, мое мнение по существу вопроса. Я считаю, что Ваше предположение о том, что великий наш поэт знал о существовании в Петербурге военного инженера Германна, весьма вероятным, и не исключена возможность того, что Александр Сергеевич воспользовался этой фамилией при создании своей знаменитой новеллы. Вопрос этот, однако, требует подробного изучения, которым я заняться не могу.

Второе Ваше предположение относительно Пестеля мне лично не представляется правдоподобным, однако повторяю, быть может, специалисты будут на этот счет иного мнения.

Я позволю себе поэтому посоветовать Вам сообщить о Ваших предположениях сотрудникам Пушкинского Дома в Ленинграде, причем, если Вам угодно, соблаговолите указать, что Вы обращаетесь туда по моему совету. Конкретно, на мой взгляд, Вы бы могли написать об этом интересном деле старшему научному сотруднику указанного учреждения Раисе Владимировне Иезуитовой,

особе весьма эрудированной и благожелательной. Адрес: Ленинград, набережная Макарова 4. Пушкинский Дом, Пушкинская группа, старшему научному сотруднику Раисе Владимировне Иезуитовой.

Еще раз благодарю Вас за прекрасный подарок и приношу извинение за задержку ответа.

Искренне Вас уважающий и готовый к услугам

Н. Раевский»³.

Мое третье письмо, посланное в адрес Николая Раевского, так и осталось без ответа. А вскоре я узнал о его кончине. Вероятнее всего, публикуемые мною два письма писателя были последними в его жизни.

Прежде чем обратиться к Р. В. Иезуитовой, я послал материал статьи академику Д. С. Лихачеву, человеку, глубоко уважаемому мною, к тому же работающему в Пушкинском доме. Я знал, что он не способен на лукавство и выразит то, что думает, чего действительно заслуживают мои рассуждения. В ответ получаю его письмо и книгу «Земля родная» с автографом: «Глубокоуважаемому Феликсу Зиновьевичу Кичатову. Желаю вам всего самого лучшего. Д. Лихачев. 24.IV.88».

В письме говорилось:

«Глубокоуважаемый Феликс Зиновьевич!

Ваша статья «Германн — кто же ты?» мне очень понравилась. Но я не пушкинист и должен отдать ее для решения ее судьбы — Сергею Алекс. Фомичеву.

Спасибо за удовольствие прочесть Вашу статью.

*Д. Лихачев
24.IV.88.»⁴*

Я стал предлагать статью в различные журналы: «Литературную Россию», «Неву», «Вопросы литературы» и др. Но отовсюду получал почти одинаковый вежливый ответ, что статья, мол, очень хорошая, но тема слишком узкая и интересна только для специалистов, посылайте статью в Пушкинский Дом. Я ждал вестей из Пушкинского Дома, но так и не дождался. В издаваемом тогда в Пушкинском Доме «Временнике Пушкинской комиссии» этот материал тоже не появился. Позже в беседе с одним из ответственных сотрудников этого заведения я выяснил, что причиной тому стала форма статьи, которая, видите ли, не соответствовала общепринятой форме публиковавшихся во «Временнике» материалов. Что ж, пришлось проглотить и эту пилюлю. Век живи — век учись.

Случай все же помог мне неожиданно лично встретиться с доктором Р. В. Иезуитовой и рассказать ей в общих чертах содержание моего материала (не будучи готов к этой встрече, я не захватил с собой рукопись). Внимательно выслушав все мои доводы и умозаключения, она предосте-

регла меня, сказав, что после публикации такой статьи на меня обязательно посыплется град камней. И все же посоветовала не торопиться, а постараться вновь встретиться с ней и конкретно обсудить рукопись готовой статьи. Но мне не удалось вновь побывать в Ленинграде (я в то время служил в армии), и я послал свою статью по почте. Раиса Владимировна ответила:

«Ваша статья о "Пиковой даме" (интересная по наблюдениям, хотя и парадоксальная) у меня лежит на рабочем столе... Главное мое пожелание — освободить статью (насколько, разумеется, это можно) от материала, в пушкиноведении известного (например, можно не писать о настроениях поэта в общественной ситуации 30-х годов). Лучше всего, когда Вы снова приедете в Ленинград, договориться о встрече в ПД и поговорить о работе, имея перед глазами текст статьи.

Ленинград. 21.03.1991»⁵

Встретиться и поговорить о статье нам так и не пришлось. Но тут на мой материал обратил внимание известный немецкий пушкинист, председатель Немецкого пушкинского общества профессор Рольф-Дитрих Кайль. Статья ему понравилась, и вскоре она появилась в альманахе «ARION» за 1992 год под названием «Опыт толкования одной фантастической повести А. С. Пушкина». В комментарии к статье Р.-Д. Кайль пишет:

«Феликс Кичатов (Кёнигсберг): О скрытом замысле фантастического рассказа Пушкина «Пиковая дама».

Автор пытается разработать интерпретацию "фантастического элемента" в пушкинской повести "Пиковая дама". Посредством многочисленных детальных наблюдений, почерпнутых им из материалов источника, он обнажает слой аллюзий, проходящих через всю новеллу и указывающих на без исключения выдающихся личностей декабристского движения. Господствующие условия цензуры ранних 1830-х годов, из-за которых на любую деятельность, связанную с восстанием, было наложено строгое табу, принуждали Пушкина, по мнению автора, к сплошной "маскировке" этих аллюзий. Во втором вступительном эпиграфе, в деталях физиономии Германна и в комплексной символике чисел повести автор обнаруживает, в частности, намеки на Пестеля и Рылеева. Этим он подчеркивает свое толкование повести, как искусства "скрытого размышления" о причинах и последствиях провалившегося восстания. Дуэль Германна за игровым столом становится, таким образом, символической заменой действия плана Пестеля по свержению русской автократии, интернирование Германна в закрытую психиатрическую больницу становится параллелью к интернированию Рылеева в Петропавловскую крепость после поражения восстания. Удар по общественному устройству режима заканчивается стагнацией и безнадежно-

стью, прежде всего самих переживших событие декабристов, что Пушкин выразил во втором эпитафье, интерпретируя текст Рылеева.

Альманах "Arion". Bonn 1992»⁶.

В 2005 году статья вышла в свет под названием «Что скрывается за фантастической фабулой "Пиковой дамы"» в книге «Пушкин. Взгляд из зарубежной России»⁷.

Прошло много лет. Эти письма, пролежавшие в моем личном архиве более двадцати лет, просились на свободу, и я счел возможным опубликовать их, чтобы пустить, наконец, в научный оборот. На мой взгляд, они представляют определенную ценность.

¹ Личный архив автора.

² Там же.

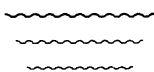
³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ *Arion*. Jahrbuch der Deutschen Pusckin-Gesellschaft. Band 2. Bonn, 1992. S. 67—78. (пер. с нем. — К. Ф. Кичатова).

⁷ *Кичатов Ф. З.* Пушкин. Взгляд из зарубежной России. Калининград, 2005. С. 114—146.

XI

Хроника. Обзоры. Рецензии

